

В.Н. АдаевИнститут проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень, Россия
whitebird4@yandex.ru**О ПЕРЕСЕЧЕНИЯХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОЛЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ И ЭТНОАРХЕОЛОГИИ****V.N. Adaev**Institute of the Problems of Northern Development SB RAS,
Tyumen, Russia**ON INTERSECTIONS OF THE RESEARCH FIELD OF ECOLOGICAL
ANTHROPOLOGY AND ETHNOARCHAEOLOGY**

ABSTRACT: *Modern theoretical formation of ecological anthropology and ethnoarchaeology in Russia occurred almost synchronously in 1970-80 in two main centres such as Moscow and Omsk. Such subject areas of ecological anthropology as the study of characteristics of the traditional ethnic subsistence, ethnic specificity of use of natural resources and impact on the environment, as well as the study of ethnic ecosystem formation and operation, turn out to be equally actual in ethnoarchaeology. The convergence of ecological anthropology and ethnoarchaeology is sometimes supported by the essential coincidence of methodology: the retrospective method, system and structural-functional analysis. It is obvious that within the system analysis of subsistence of human groups, interests of both scientific fields closely intersect. The most valuable point is the purposeful identification (based on ethnographic sources) of important details, consistent patterns and cultural phenomena that are associated with a certain human group and its subsistence. Taking into consideration the interdisciplinary dialogue of archaeology and ethnography, we can summarize that on the part of ethnographers, the specialists of ecological anthropology are the best ones, who are prepared for cooperation. On the basis of the Institute of the problems of Northern Development SB RAS (Tyumen), since 2013, a long-term ethnoarchaeological research project "Taz Selkups in 17th-20th centuries" have been successfully carried out.*

Настоящая конференция, в силу истории своего появления и основной тематики, представляется одной из наиболее удобных площадок для обсуждения возможностей эффективного сопряжения усилий двух вышеуказанных междисциплинарных научных направлений. Если кратко охарактеризовать каждое из них, то очевидно, что их современное теоретическое оформление в нашей стране произошло относительно синхронно в 1970-80-е гг. в двух основных центрах — Москве (Институт этнографии АН СССР) и Омске (Омский научный центр СО РАН, ОмГУ).

Среди основных исследовательских задач этнической экологии отмечены изучение особенностей традиционных этнических систем жизнеобеспечения и природопользования, воздействия на природную среду, а также закономерностей формирования и функционирования этноэкосистем [Козлов, 1983, с. 8]. Данные тематические направления с равным успехом востребованы в этноархеологии, и это далеко не единственная точка пересечения интересов двух научных направлений.

Согласно определению омских специалистов, этноархеология призвана решать круг проблем по истории культуры и общества на основе сопряжения археологического и этнографического видения. Задача воссоздания целостного археологического социокультурного комплекса подразумевала первоочередную опору на этнографическое видение, так как именно этнография «могла помочь восстановить недостающие звенья в таком комплексе путем видения сопряженности социокультурных явлений и их функций в единой системе» [Томилов, 2013, с. 139, 140]. Основу указанных комплексов представляют «этнически определяемые археологические материалы поздних памятников, обогащенные этнографической информацией» [Томилов, 1993, с. 40].

Стоит отметить целенаправленное обращение отечественной этноархеологии к поздним памятникам. Благодаря этому практически снимается вопрос о правомерности и корректности привлечения соответствующих этнографических данных для верификации археологических реконструкций. Кроме

того, расширяется спектр доступных этнографических источников для ретроспективного исследования существовавших общностей и их культур и появляется редкая возможность обоснованно принять в расчет воздействие этнических традиций на режим природопользования (правила, запреты, почитание объектов и пр.). В свою очередь, фиксация на археологических материалах каких-то признаков, указывающих на подобные традиции, может стать хорошим маркером для установления этнической принадлежности памятника. Еще один немаловажный плюс обращения к памятникам позднего времени — возможность надежной проверки и корректировки археологической методики реконструкций.

Критические замечания по поводу значительной роли фактора субъективности в этноархеологических реконструкциях и обычного отсутствия критериев верификации полученных моделей наиболее ярко были представлены А.В. Кенигом [2010, с. 44-47]. Есть основания полагать, что продвигаемая им в качестве альтернативы проверка археологических интерпретаций на материалах изучения «живой» культуры, кроме своего основного предназначения, стала бы крайне полезной для введения в археологический контекст специалистов-этнографов. В ходе совместной работы для последних гораздо быстрее стал бы понятен тот широкий круг «мелких» и «очевидных» вопросов, ответы на которые чаще всего требуются для коллег-археологов. Одним из самых перспективных для разработки здесь вновь видится тематическое направление, напрямую связанное с этноэкологией — жизнеобеспечение коллектива. Во всяком случае, в проведенном А.В. Кенигом этноархеологическом исследовании на материалах этнографии северных селькупов [см. там же, с. 48-71] наиболее весомо были представлены данные именно по этой сфере — природопользование и жилище.

Сближение этнической экологии и этноархеологии подкрепляется также в ряде случаев значительным совпадением используемой методики. Имеется в виду использование ретроспективного метода, а также системного и структурно-функционального анализа, предполагающих построение модели жизнеобеспечения коллектива, с определением важнейших структурных компонентов системы и их функциональных взаимосвязей.

Методология системного и структурно-функционального анализа была положена в основу самой популярной и успешной научной школы американских эколого-антропологических исследований — экологической (экосистемной) антропологии, название которой в итоге перешло ко всей данной области науки в США и Канаде (аналога отечественной этнической экологии). Важнейшей новацией школы стало моделирование экосистемы, включающей изучаемое сообщество, и количественное определение потоков вещества и энергии, связывающих членов местного сообщества с другими компонентами экосистемы [см.: Козлов, Ямсков, 1989, с. 97-98]. Классическим примером отечественной работы, базирующейся на данной методологии, является исследование И.И. Крупника систем природопользования тундровых ненцев и эскимосов [1989].

Очевидно, что в рамках подобного системного исследования жизнеобеспечения человеческого коллектива, интересы обоих научных направлений плотно пересекаются. Идея совмещения задач этноэкологии и этноархеологии на данном методологическом поле не является новой, так как уже имеется некоторый зарубежный опыт их успешного взаимодополнения, правда, речь идет скорее о результате естественного сближения двух тематически близких направлений, нежели о процессе их целенаправленного слияния для реализации общих целей. В частности, методические разработки специалистов, изучавших жизнеобеспечение этнических сообществ с применением системного подхода (Д. Фут, А. Вайда, Р. Раппапорт и др.), стали с одной стороны полезны археологам для их реконструкций природопользования древних коллективов, с другой — накопленный опыт интерпретации археологических материалов с успехом применялся экологическими антропологами для воссоздания ретроспективных моделей жизнеобеспечения современных этносов. Причем наиболее плотное взаимодействие происходило на материалах этнографии и археологии *арктической территории* Америки [см. подробнее: Крупник, 1988, с. 56-57].

Обращение к области этнографии и археологии арктических народов не является случайным. Оно несет в себе ряд выгодных преимуществ для исследования: нередкая однослойность памятников и хорошая сохранность археологических материалов, малочисленность изучаемых коллективов, существенный консерватизм их культуры, относительная простота сформированных систем жизнеобеспечения. Показательно, что И.И. Крупник в своем исследовании использовал всего четыре структурных блока: освоенную территорию, хозяйственный коллектив, популяции домашних животных и производственно-бытовой инвентарь [Крупник, 1989, с. 24-25].

При этом типичный для экосистемной экологии детальный количественный расчет добываемых и расходуемых потоков энергии и вещества, на мой взгляд, не всегда целесообразен для этноархеологических целей. Среди причин: высокая трудоемкость расчетов, нехватка и возможная недостоверность сведений в отношении даже хронологически недавних периодов, а также проблематичность использования данных по современным сообществам, ввиду кардинальных отличий их экономики от реконструируемых моделей прошлого. Более ценным представляется целенаправленное выявление на основе этнографических источников неких, связанных с конкретной системой жизнеобеспечения, важных деталей, закономерностей и культурных феноменов. Если реконструируемую этноархеологическую модель образно представить в виде уравнения со многими неизвестными, то результаты системного анализа жизнеобеспечения близких по времени и территории проживания этнических сообществ открывают доступ к таким важным параметрам уравнения, как соотношение показателей, их возможная вариативность, регулирующие алгоритмы построения уравнения — правила, ограничения, исключения. Важной задачей, остается и реконструкция основных структурных составляющих моделей жизнеобеспечения, их характеристик, взаимосвязей. Наиболее перспективными для исследования представляются два направления реконструкций:

— хозяйство (характеристика и удельное экономическое значение отдельных направлений хозяйственной деятельности, форма их организации, экологический календарь, охват хозяйственно освоенной территории, объекты промысловой деятельности, уровень мобильности населения, его обусловленность наличием транспортных животных, возможности ландшафтного преобразования и др.);

— поселения и постройки (уточнение структуры поселения, конструкции построек, их функционального предназначения, режима использования, количества и половозрастной структуры проживающего населения, хозяйственной деятельности жителей, их вероятной этнической принадлежности).

Рассматривая данный научный контакт шире, как междисциплинарный диалог археологии и этнографии, можно резюмировать, что со стороны этнографического цеха специалисты по этнической экологии являются одними из наиболее подготовленных к сотрудничеству: их сближает с археологами сходство тематики исследования, используемой терминологии и методологии. Сотрудничество, что немаловажно, носит взаимовыгодный характер. Если его полезность для археологов уже была наглядно представлена, то собственные интересы специалистов по этнической экологии — это проверка достоверности этнографических источников, правильности их толкования, верификация гипотез, оттачивание исследовательской методики. Наконец, благодаря тесному взаимодействию с археологами, появляется доступ к постоянно увеличивающейся информационной базе для ретроспективных исследований, и, соответственно, расширяются масштабы исследований, как в хронологическом, так и в тематическом отношении.

На базе Института проблем освоения Севера СО РАН, начиная с 2013 г., осуществляется многолетний проект этноархеологического исследования тазовских селькупов XVII-XX вв. (рук. О.Е. Пошехонова), где непосредственно реализуется успешный опыт взаимодействия представителей двух указанных направлений [см.: Пошехонова, 2015]. Некоторые результаты междисциплинарного исследования уже нашли отражение в публикациях [Адаев, 2015; Зими́на, Адаев, 2015]. Учитывая положительный опыт взаимодействия, в перспективе рассматривается возможность, что этноархеологический уклон станет особенностью специализации тюменского центра этнической экологии.

Список литературы

1. Адаев В.Н. Собаководство северных народов Западной Сибири в свете этноархеологической проблематики // IV Северный археологический конгресс: материалы. Екатеринбург: Альфа-Принт, 2015. С. 286-288.
2. Зими́на О.Ю., Адаев В.Н. Наземные каркасно-столбовые постройки в свете адапционных стратегий и возможностей древнего и современного населения Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул — Омск: ИД «Наука», 2015. С. 192-195.
3. Кениг А.В. Этноархеология как метод археологических реконструкций (на примере тазовских селькупов). Екатеринбург — Ханты-Мансийск: АМБ, 2010. 128 с.

4. Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. 1983. № 1. С. 3-16.
5. Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде. Проблемы индеанистики. М.: Наука, 1989. С. 86-107.
6. Крупник И.И. Арктическая этноэкология: модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 270 с.
7. Крупник И.И. Основные направления этноэкологии американской Арктики // Экология американских индейцев и эскимосов. М.: Наука, 1988. С. 55-63.
8. Пошехонова О.Е. Новые данные о верхнетазовских селькупках XVII-XIX вв. // IV Северный археологический конгресс: материалы. Екатеринбург, 2015. С. 200-202.
9. Томилов Н.А. Творчество при создании новых научных направлений и дисциплин // Творчество в археологическом и этнографическом измерении: сборник научных трудов. Омск: ИД «Наука», 2013. С. 138-146.
10. Томилов Н.А. Этническая экология и традиционно-бытовая культура // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009. Т. 3. № 4. С. 219-224.